

ИСТОКИ
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

**THE ORIGINS
OF THE SECOND WORLD WAR**

A. J. P. TAYLOR

Penguin Books

АЛАН ДЖОН ПЕРСИВАЛЬ ТЕЙЛОР

ИСТОКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2025

УДК 94(100)"1939/1945"
ББК 63.3(0)62,08
ТЗ

Переводчик ГАЛИНА БОРОДИНА
Научный редактор НИКОЛАЙ ВЛАСОВ, канд. ист. наук
Редактор ПЁТР ФАВОРОВ

Тейлор А. Дж. П.

ТЗ Истоки Второй мировой войны / Алан Джон Персиваль Тейлор ;
Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 448 с.
ISBN 978-5-00223-006-8

Когда в 1961 г. в свет вышла книга одного из самых прославленных британских историков Алана Дж. П. Тейлора «Истоки Второй мировой войны», она произвела не только сенсацию, но и скандал. Тейлор с дипломатическими документами в руках оспаривал удобную всем версию, что в недавнем общеевропейском конфликте виноват только и исключительно Гитлер, осуществлявший тщательно выстроенный им план разжигания большой войны. Вместо этого Тейлор приходит к выводу, что Гитлер был прежде всего агрессивным оппортунистом с фантазиями о величии и что к объявлению Великобританией и Францией войны Германии в сентябре 1939 г. помимо того привела огромная масса факторов — от объективного баланса потенциалов европейских государств до внутренних противоречий в западных обществах. За прошедшие 60 с лишним лет книга Тейлора, несомненно, перешла в разряд памятников исторической мысли — слишком много фактов за это время было обнародовано, установлено и уточнено, — однако она не перестает переиздаваться и влиять на ход дискуссии об этих по-прежнему определяющих исторических событиях. Это ее первое русское издание.

УДК 94(100)"1939/1945"
ББК 63.3(0)62,08

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© А. J. P. Taylor, 1961
© Предисловие. А. J. P. Taylor, 1963
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

ISBN 978-5-00223-006-8 (рус.)
ISBN 978-0-140-13672-2 (англ.)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие научного редактора.....	7
-------------------------------------	---

Если еще подумать.

Предисловие автора ко второму изданию	13
Глава 1. Позабытая проблема	41
Глава 2. Наследие Первой мировой войны	56
Глава 3. Послевоенное десятилетие	87
Глава 4. Конец версальской системы	116
Глава 5. Абиссинский кризис и конец локарнской системы	152
Глава 6. Полувооруженный мир, 1936–1938 гг.	174
Глава 7. Аншлюс: конец Австрии	216
Глава 8. Чехословацкий кризис	242
Глава 9. Мир на шесть месяцев	290
Глава 10. Война нервов	328
Глава 11. Война за Данциг	374

Карта «Германия, 1919–1939 гг.»	415
Карта «Европейские границы, 1919–1939 гг.».....	416
Примечания	417
Библиография	429
Предметно-именной указатель	437
Об авторе.....	446

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Алан Джон Персиваль Тейлор был одним из крупнейших британских историков XX в. Его по праву считают классиком дипломатической истории, труды которого не утратили актуальности и регулярно переиздаются по сегодняшний день. Они неизменно вызывали дискуссии в научном сообществе, а благодаря блестящему литературному слогу пользовались популярностью у массового читателя.

Книга Тейлора, посвященная истокам Второй мировой войны, впервые увидела свет в 1961 г. С тех пор на эту тему написаны тысячи работ, а благодаря открытию архивов исследователям стали доступны миллионы новых документов. Логично задаться вопросом: не устарела ли книга, уже разменявшая свой седьмой десяток? Во многом — да, но она и сегодня продается в любом британском книжном магазине, причем пользуясь там устойчивым спросом. Подобным образом в нашей стране до сих пор читают «Историю государства Российского» Карамзина, написанную двести лет назад, — не как свод актуального научного знания, а как нестареющую литературную классику.

Книга Тейлора отличается не только литературными достоинствами. Автор работал над ней в обстановке, когда причины Второй мировой войны были предметом ожесточенных споров. Само собой, на вопрос о виновнике глобаль-

ной катастрофы ответ был один: Гитлер, германский нацизм. Это бесспорно; какие бы ошибки и просчеты ни совершили жертвы агрессии, вина лежит на агрессоре. Но за простой истиной скрывался другой, более сложный вопрос: почему Гитлера не удалось остановить, почему мировая война не была своевременно предотвращена — хотя, казалось бы, все возможности для этого имелись?

В Британии 1950-х гг. привычно критиковали недалекость и наивность Чемберлена, не сумевшего разгадать зловещие планы нацистов, и кивали на Советско-германский пакт о ненападении 1939 г., якобы развязавший Гитлеру руки. Поэтому книга Тейлора произвела эффект разорвавшейся бомбы: автор доказывал, что именно ошибки и промахи британской и французской политической элиты — причем вызванные не наивностью, а вполне рациональными соображениями — стали одной из главных причин крушения европейского порядка в 1930-е гг. Ни в коей мере не обеляя Гитлера, автор доказывал, что без невольных «помощников» в Лондоне и Париже у немцев не получилось бы развязать большую войну. Разумеется, далеко не все согласились с такими выводами; Тейлора даже обвинили в ревизионизме. Действительно, отдельные его тезисы были сформулированы резко, даже провокационно. Однако провокация оказалась невероятно успешной: книга Тейлора послужила началом совершенно нового этапа дискуссии о причинах Второй мировой войны.

Безусловно, отдельные выводы автора — особенно касающиеся советской и германской политики — сегодня выглядят устаревшими. К примеру, мысль о том, что у Гитлера не было собственной внешнеполитической программы и он не хотел войны, в свете доступных нам документов предстает более чем спорной. Однако основное внимание в своей книге Тейлор уделяет не Берлину и Москве, а Парижу и в особенности Лондону. Он подробно и качественно анализирует

мотивы политики умиротворения, ее объективный контекст, показывает логику действий английских и французских лидеров, а также те печальные последствия, к которым эта логика привела. В основной своей части работа Тейлора по-прежнему не утратила актуальности — именно такова разгадка ее долговечности. Я могу смело рекомендовать российскому читателю первое знакомство с этим классическим текстом, который, помимо всего прочего, отличается прекрасным стилем, превращающим чтение в удовольствие.

*Николай Власов,
кандидат исторических наук*

Санкт-Петербург, 2024

ИСТОКИ
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

ЕСЛИ ЕЩЕ ПОДУМАТЬ ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Я взялся за эту книгу ради удовлетворения собственного исторического любопытства; если говорить словами историка более успешного, «чтобы понять, что произошло и почему это произошло». Историкам часто не нравится то, что произошло; им хотелось бы, чтобы все было иначе. Только сделать они с этим ничего не могут. Долг историка — говорить правду, какой она перед ним предстает; его не должно тревожить, опровергает ли она или подтверждает сложившиеся представления. Может быть, мои представления были слишком наивными. Вероятно, мне стоило предупредить читателя, что я подхожу к истории не как судья и что, когда я рассуждаю о морали, я имею в виду моральные представления того времени, о котором пишу. Своих собственных моральных суждений я не формулирую. Поэтому, когда я пишу (с. 70), что «Версальский мир изначально был морально несостоятельным», я имею в виду лишь то, что немцы не считали его «справедливым» и многие в странах-победительницах — а вскоре, я думаю, и большинство — были с ними согласны. Кто я такой, чтобы решать, «морален» он был или «аморален» в каком бы то ни было абстрактном смысле? И с чьей точки зрения — немцев, союзных держав, нейтральных стран

или большевиков? Какие-то из творцов Версальского мира считали его моральным, другие — необходимым, а третьи — и аморальным, и излишним. В числе последних были Ян Смэтс, Ллойд Джордж, Лейбористская партия Великобритании и многие американцы. В дальнейшем эти моральные сомнения способствовали развалу мирного урегулирования. Опять же, на с. 293 я пишу о Мюнхенском соглашении следующее: «Это была победа всего, что было лучшего и просвещенного в британской жизни; победа тех, кто проповедовал справедливость и равенство народов; победа тех, кто мужественно обличал жестокость и неадекватность Версаля». Вероятно, по примеру Артемуса Уорда мне стоило добавить в скобках «смеяться здесь». Но это не совсем шутка. Годами самые компетентные и добросовестные исследователи международных отношений доказывали, что Европе не видать мира, пока немцы не обретут самоопределения, дарованного другим. Мюнхенское соглашение в какой-то мере стало результатом — пусть и нежелательным по форме — их усилий; заключить его было бы гораздо сложнее, если бы не ощущение, что требования Гитлера отчасти справедливы. Уже в годы Второй мировой войны один оксфордский профессор¹ спрашивал президента Бенеша, не думает ли тот, что Чехословакия лишь окрепла бы, если бы там проживало, скажем, миллиона на полтора немцев меньше, — настолько стойким был дух «умиротворения». На самом деле половинчатого решения тут не было, и вопрос стоял следующим образом: либо 3,5 млн немцев в Чехословакии, либо вообще никаких немцев. Чехи сами признали этот факт, насильственно депортировав все немецкое меньшинство после Второй мировой войны. Не моим делом было осуждать или одобрять требования Гитлера; я стремился лишь объяснить, почему столь многие их поддерживали.

Мне жаль, если это разочарует тех простодушных немцев, которые вообразили себе, будто моя работа каким-то обра-

зом «оправдывает» Гитлера. Однако я ничуть не сочувствую и тем в Британии, кто жаловался, что эту книгу — заслуженно или нет — радостно приняли его бывшие сторонники. Мне кажется недостойным выдвигать подобный аргумент против исторического труда. Историка не должно смущать то, что его книги льют воду на мельницу врагов Королевы (хотя моя этого не делает) или врагов всего человечества. Что касается меня лично, то я недрогнувшей рукой фиксировал бы даже те факты, которые свидетельствуют в пользу британского правительства, если бы таковые вдруг обнаружились (здесь снова можно посмеяться). Не моя вина, что, судя по имеющимся у нас документам, Австрийский кризис спровоцировал Шушник, а не Гитлер; не моя вина, что, судя по документам, не Гитлер, а Британия выступила инициатором раздела Чехословакии; не моя вина, что в 1939 г. британское правительство создало у Гитлера впечатление, что оно скорее склонно требовать уступчивости от Польши, а не противодействовать Германии. Если все это свидетельствует в пользу Гитлера, виноваты тут прежние легенды, которые историки воспроизводят, не дав себе труда их проверить. Эти легенды живучи. Боюсь, я и сам повторил несколько. Например, я до последнего верил, что Эмиля Гаха в Берлин вызвал Гитлер; только когда книга уже ушла в корректуру, я еще раз обратился к документам и обнаружил, что Гаха сам вызвался приехать в Берлин, а вовсе не наоборот. Наверняка какие-то еще легенды ускользнули от моего внимания.

Развенчивать эти легенды — вовсе не значит оправдывать Гитлера. Это значит служить исторической истине, и мою книгу нужно оспаривать только таким образом, а не на основании той политической морали, которую люди решают из нее извлечь. Мой труд — не вклад в «ревизионизм»; разве что в том узком смысле, что Гитлер, оказывается, прибегал не к тем методам, которые ему обыкновенно приписывают. Я никогда

не видел смысла в рассуждениях о вине или невинности в контексте войны. В мире суверенных государств каждое из них делает все, что в его силах, для достижения собственных целей; им можно ставить на вид разве что ошибки, но не преступления. Бисмарк был, как всегда, точен, когда говорил об Австро-прусской войне 1866 г.: «Борьба австрийцев против нас не более предосудительна, чем наша борьба против них». Как частное лицо, я считаю всю эту гонку за величию и мировым господством совершеннейшим идиотизмом; я бы предпочел, чтобы моя страна не принимала в ней участия. Как историк, я вынужден признать, что великие державы всегда будут вести себя как великие державы. В действительности моя книга почти не касается Гитлера. По моему мнению, вопрос первостепенной важности имеет отношение к Великобритании и Франции. Эти страны победили в Первой мировой войне. Все последующие решения зависели от них. Было совершенно очевидно, что Германия снова попытается стать великой державой; а после 1933 г. стало ясно и то, что ее господство будет особенно варварского сорта. Почему победители отказались от сопротивления? Ответы даются разные: нерешительность, слепота, моральные метания; возможно, желание обратить мощь Германии против Советской России. Но, какими бы ни были ответы, вопрос этот кажется мне важным, и моя книга организована вокруг него, как, разумеется, и вокруг второго вопроса: почему же в конце концов они решились на сопротивление?

И тем не менее кое-кто из критиков моей книги поднял большой шум по поводу Гитлера, на которого они возлагают единоличную ответственность за войну или что-то в этом роде. Поэтому я хотел бы уделить еще немного внимания роли Гитлера — но не в полемическом плане. У меня нет желания победить в споре, я лишь хочу прояснить свою позицию. На настоящий момент существует, как мне кажется, два образа

Гитлера. Согласно первому, он хотел большой войны ради нее самой. Несомненно, в самом общем смысле он думал и о ее итогах: Германия становится величайшей державой мира, а сам он — завоевателем вроде Александра Македонского или Наполеона. Но прежде всего он жаждал войны ради уничтожения народов и обществ, которое она за собой повлечет. Он был маньяком, нигилистом, вторым Аттилой. Альтернативная точка зрения представляет его более рациональной и в каком-то смысле более конструктивной фигурой. В этом варианте у Гитлера с самого начала был стройный долгосрочный план, которого он и придерживался с непоколебимым упорством. Ради воплощения этого плана он стремился к власти; он же лег в основу всей его международной политики. Гитлер хотел обеспечить Германию огромной колониальной империей в Восточной Европе, разгромив Советскую Россию, истребив всех ее жителей и заселив затем освободившиеся земли немцами. Этот рейх, новый дом для 100 или даже 200 млн немцев, должен был простоять тысячу лет. Я, кстати, удивлен, что сторонники этой точки зрения не рукоплещут моей книге. Ведь если Гитлер планировал большую войну против Советской России, война против западных держав была его ошибкой. Чего-то я тут явно не понимаю.

Да, конечно, Гитлер немало рассуждал о том, что делает, как и современные аналитики, пытающиеся обосновать поступки нынешних государственных деятелей. Может, мир был бы избавлен от множества горестей, если бы Гитлеру дали должность в каком-нибудь немецком эквиваленте Королевского института международных отношений, где он безо всякого вреда для человечества разглагольствовал бы до конца своих дней. Но случилось так, что он оказался вовлечен в мир реальных действий; и там, я думаю, он гораздо чаще обращал события в свою пользу, чем следовал четкому и последовательному плану. История его прихода к власти

в Германии кажется мне важной для понимания его дальнейшего поведения на международной арене. Гитлер без конца повторял, что намеревается захватить власть, а потом приняться за великие дела. Многие ему верили. Идея, будто у Гитлера имелся подробный план захвата власти, стала первой связанной с ним легендой, и она же оказалась первой опровергнута. Никакого долгосрочного плана не существовало; не было и захвата власти. Гитлер понятия не имел, каким образом власть окажется у него в руках; он лишь верил, что это случится. Папен и несколько других консерваторов-интриганов привели Гитлера к власти в полной уверенности, что связали его по рукам и ногам. Он воспользовался их происками, опять-таки не имея ни малейшего представления, как освободится от этого контроля, — только в убеждении, что как-нибудь да освободится. Такой «ревизионизм» не «оправдывает» Гитлера, хоть и дискредитирует Папена с приспешниками. Это ревизия ради ревизии — или скорее ради исторической истины.

Дорвавшись до власти, Гитлер совершенно не представлял, как будет вытягивать Германию из экономической депрессии, у него было лишь твердое намерение сделать это. Восстановлением экономики Германии он по большей части обязан естественному процессу роста мировой экономики, который начался еще до того, как Гитлер встал у руля страны. Личным вкладом Гитлера стали лишь две вещи. Первая из них — антисемитизм. Я считаю, что он был последовательным и убежденным антисемитом с ранних лет в Мюнхене и до последних своих дней в бункере. В цивилизованной стране приверженность антисемитизму лишила бы его любой поддержки, не говоря уже о шансах на власть. С экономической точки зрения эта идея была совершенно бессмысленной и, более того, вредоносной. Другим его вкладом стала поддержка государственных расходов на сооружение дорог и иные крупные

строительные проекты. Согласно единственной книге, которая концентрируется на том, что в действительности произошло, вместо того чтобы повторять то, что говорили о происходившем Гитлер и все остальные², экономическое оживление в Германии стало следствием возвращения частного потребления и инвестиций в невоенные отрасли экономики на уровень благополучных 1928 и 1929 годов. Перевооружение не внесло заметного вклада в рост немецкой экономики. Вплоть до весны 1936 г. «первооружение оставалось по большей части мифом»³. В действительности Гитлер не реализовывал какой бы то ни было заранее намеченный экономический план. Он лишь хватался за первое, что подворачивалось ему под руку.

Ту же мысль подтверждает и история с поджогом Рейхстага. Легенда известна каждому. Нацистам нужен был предлог для принятия чрезвычайных законов, которые легли в основу политической диктатуры, и, чтобы получить такой предлог, они подожгли Рейхстаг. Поджог устроил то ли Геббельс, то ли Геринг, а Гитлер, возможно, даже не был в курсе их планов. В любом случае нацисты как-то это провернули. Фриц Тобиас не оставил от этой легенды камня на камне — как мне кажется, убедительно⁴. Нацисты не имели отношения к поджогу Рейхстага. Молодой голландец по фамилии ван дер Люббе сделал это в одиночку, как он и заявлял с самого начала*. Нацисты во главе с Гитлером были захвачены врасплох. Они действительно верили, что поджог организовали коммунисты; и чрезвычайные законы они приняли потому, что искренне полагали, будто коммунисты вот-вот поднимут восстание. Да, конечно, список людей, подлежащих аресту, был действительно составлен

* Большинство современных исследователей согласны, что ван дер Люббе действовал в одиночку. Однако остается спорным вопрос о том, самостоятельно ли он пришел к мысли о поджоге Рейхстага или стал невольным исполнителем чужой воли. — *Прим. науч. ред.*

заранее. Вот только составили его не нацисты. Список подготовил предшественник Геринга, социал-демократ Зеверинг*. Повторюсь, это не «оправдание» Гитлера, а лишь переосмысление его методов. Гитлер рассчитывал, что какая-нибудь возможность ему подвернется, и она подвернулась. Конечно, коммунисты тоже не поджигали Рейхстаг. Но Гитлер был уверен в обратном. Он смог так эффективно разыграть карту коммунистической угрозы прежде всего потому, что сам в нее верил. Здесь можно провести параллель с подходом, которого Гитлер потом придерживался в международных отношениях. Пока другие страны думали, что Гитлер готовится развязать против них агрессивную войну, Гитлер в равной степени верил, что эти другие намереваются помешать возрождению Германии как независимой великой державы. И его убежденность нельзя назвать совершенно необоснованной. В конце концов, британское и французское правительства часто подвергали суровой критике за то, что они вовремя не начали превентивной войны.

Здесь, как мне кажется, и лежит ключ к вопросу о том, действительно ли Гитлер целенаправленно шел к войне. Он не столько шел к ней, сколько ожидал, что она начнется, если только он не сумеет ее хитроумно избежать, как избегал гражданской войны в Германии. Люди, руководствующие порочными мотивами, с легкостью приписывают их другим; так и Гитлер ожидал, что другие станут поступать так, как он сам поступил бы на их месте. Англия и Франция были для него «двумя заклятыми врагами»; Советская Россия стремилась разрушить европейскую цивилизацию — пустая похвальба, к которой действительно часто прибегали больше-

* Карл Зеверинг был министром внутренних дел Пруссии в 1920–1926 и 1930–1932 гг., Германии в 1928–1930 гг. С лета 1932 г. находился в оппозиции. Нацисты использовали материалы, подготовленные министерством внутренних дел до 1933 г., однако наверняка ими не ограничивались. — *Прим. науч. ред.*

вики*; Рузвельт планировал разорить Европу. Гитлер, несомненно, приказывал своим генералам готовиться к войне. Но то же самое делали и британцы, и, коли уж на то пошло, все до единого остальные правительства. В конце концов, готовиться к войне — основная задача любого генерального штаба. Правительства дают генеральным штабам указания, к какой вероятной войне готовиться, но это еще не доказывает, что они собираются ее начать. Все военные директивы британского правительства начиная с 1935 г. были направлены исключительно против Германии; Гитлер лишь стремился сделать Германию как можно сильнее. Если мы будем так (ошибочно) судить о намерениях политиков по их военным планам, получится, что это британское правительство стремилось к войне с Германией, а не наоборот. Но мы, естественно, интерпретируем поведение наших собственных правительств с благожелательностью, которую не распространяем на правительства других стран. Люди считают Гитлера воплощением зла и подтверждают его порочность свидетельствами, которые не стали бы использовать против кого-либо другого. Почему возникают эти двойные стандарты? Причина тут в том, что в основу своих рассуждений люди кладут утверждение, будто Гитлер — воплощение зла.

Судить о политических намерениях по военным планам — опасное занятие. Некоторые историки, например, на основании содержания военных контактов между Англией и Францией, имевших место до 1914 г., делают вывод, что британское правительство стремилось к войне с Германией. Другие историки (эти, я считаю, умнее) отрицают саму возможность делать подобные выводы. Такие планы, утверждают они, нужно расценивать как разумную предосторожность, а не как «подго-

* Большевики обычно говорили не о «разрушении европейской цивилизации», а о ликвидации капиталистической системы. — *Прим. науч. ред.*

товку к агрессии». Но распоряжения Гитлера зачастую интерпретируют именно вторым способом. Приведу лишь один примечательный пример. 30 ноября 1938 г. Кейтель передал Риббентропу проект меморандума к итало-германским военным переговорам, подготовленный им по приказу Гитлера. Третий пункт гласил: «Военно-политическая база переговоров. Война Германии и Италии против Франции и Британии, где первой целью будет быстрый разгром Франции»⁵. Один мой ответственный оппонент утверждал, что это со всей очевидностью доказывает намерения Гитлера и таким образом полностью опровергает мой тезис. Но что еще, кроме войны с Францией и Британией, могли обсуждать на этой встрече немецкие и итальянские генералы? Это была единственная война, в которой могла бы принять участие Италия. Британские и французские генералы в тот же самый момент обсуждали войну с Германией и Италией. Но ни им, ни их правительствам этот факт в вину не ставят. Дальнейшая история проекта Кейтеля показательна. На военных переговорах настаивали итальянцы, а не немцы. Проект был подготовлен, но ничего не происходило. 15 марта 1939 г. Гитлер уже оккупировал Прагу, а переговоры так и не состоялись. Итальянцы теряли терпение. 22 марта Гитлер приказал: «Обсуждение военно-политической базы... на настоящий момент необходимо отложить»⁶. Переговоры состоялись только 4 апреля. Кейтель записал: «Контакты начались довольно внезапно из-за давления со стороны Италии»⁷. Оказалось, что итальянцы отнюдь не стремились к войне. Напротив, они всячески подчеркивали, что будут готовы к ней в лучшем случае не раньше 1942 г.; немецкая сторона с ними согласилась. В общем, этот чудесный документ всего лишь доказывает (если он вообще что-то доказывает), что Гитлер не был на тот момент заинтересован в войне с Францией и Великобританией и что Италия в войне вообще заинтересована не была. А может, он доказывает, что

историкам стоит быть осторожнее и не хвататься за отдельный пункт в тексте, не обратившись к другим источникам.

Конечно, по мнению британцев, их правительство всего лишь стремилось сохранить все как есть, тогда как Гитлер хотел раскатать ситуацию. Но для немцев существующим положением вещей был не мир, а кабальный договор. Все зависит от точки зрения. Державы-победительницы хотели сохранить — с небольшими поправками — плоды победы, но действовали при этом неэффективно. Победенная держава хотела преодолеть свое поражение. Подобные амбиции той или иной степени «агрессивности» были свойственны не только Гитлеру. Их лелеяли все немецкие политики — и социал-демократы, в 1918 г. положившие конец войне, хотели этого не меньше Густава Штрэземана. Никто не брался точно сформулировать, что значило преодолеть поражение в Первой мировой войне; и Гитлер тут не исключение. Сюда включали возвращение утраченных тогда территорий; восстановление немецкого господства в Центральной Европе, которое ранее обеспечивалось союзом с Австро-Венгрией; отмену, естественно, всех ограничений на перевооружение Германии. Детальные условия значения не имели. Все немцы, и Гитлер в том числе, верили, что, как только Германия преодолет свое поражение — военным или каким-то иным способом, — она станет господствующей в Европе силой; и в целом это предположение разделяли и в других странах. Две идеи — «освобождения» и «господства» — слились в одну. Разорвать их было невозможно. Это были всего лишь два разных слова для одного и того же понятия; и только выбор одного из них определяет, кем был Гитлер — борцом за справедливость по отношению к Германии или потенциальным завоевателем Европы.

Не так давно один немецкий автор⁸ осудил Гитлера за саможелание снова сделать Германию великой державой. Первая мировая война, утверждает этот историк, показала, что Герма-

ния не может быть независимой державой мирового масштаба и со стороны Гитлера глупо было даже пытаться. Это не более чем трюизм. Первая мировая война до основания потрясла все вовлеченные в нее великие державы, за исключением США, которые почти не приняли в ней участия; что ж, может, все они поступали глупо, стремясь и после не утратить статуса великих держав. Тотальная война перенапрягает силы, вероятно, любой великой державы. Даже подготовка к такой войне грозит великим державам гибелью — и это не новость. В XVIII в. Фридрих Великий вплотную подвел Пруссию к краху в попытке обеспечить ей статус великой державы. Наполеоновские войны сбросили Францию с европейского пьедестала, и она так и не вернула себе былого величия. Странная, фатальная дилемма! Государства стремятся быть великими державами прежде всего ради возможности вести большие войны — но при этом остаться великой державой можно, только если не ввязываться в такие войны или ввязываться в них в ограниченном масштабе. Секрет столь долгого величия Великобритании заключался в том, что она вела войны на море и не пыталась превратить себя в военную силу по континентальному образцу. Гитлеру не было нужды советоваться с историками, чтобы это понять. Его постоянно тревожила неспособность Германии вести длительную войну, как и опасность, которая грозила его стране, если другие великие державы объединятся против нее. Рассуждая так, Гитлер оказывался дальновиднее немецких генералов, вообразивших, что все будет прекрасно, если им только удастся вернуть Германию туда, где она была до наступления Людендорфа в марте 1918 г. При этом Гитлер не делал отсюда вывод, что притязания Германии на статус великой державы глупы. Следуя давнему примеру Британии, он вместо этого решил прибегнуть к обходному маневру. Там, где Британия полагалась на морское господство, Гитлер положился на плутовство. Он не стремился к войне, всеобщая

война — последнее, чего он хотел*. Он желал наслаждаться плодами тотальной победы без тотальной войны; и благодаря глупости остальных он почти достиг своей цели. Другие державы считали, что стоят перед выбором: ввязаться в тотальную войну или покориться. Поначалу они решили покориться; потом они выбрали тотальную войну, и это привело Гитлера к финальному краху.

Это не предположения. Это факты, которые со всей убедительностью подтверждаются данными об уровне германских вооружений в годы перед Второй мировой войной и потом, в годы войны. Все это было бы очевидно уже очень давно, если бы людей не ослепляли две ошибки. До войны они слушали, что Гитлер говорит, — вместо того, чтобы смотреть, что он делает. После войны они, невзирая на факты, хотели возложить на него всю вину за случившееся. Это иллюстрируется, например, почти всеобщей убежденностью в том, что неизбирательные бомбардировки гражданского населения начал Гитлер, в то время как первыми к ним прибегли люди, определявшие британскую военную стратегию, причем наиболее честные из них даже этим гордились. Как бы там ни было, данные — бесстрастно проанализированные Бертоном Клейном — доступны всем желающим. Я уже приводил выводы Клейна о первом трехлетии правления Гитлера: вплоть до весны 1936 г. перевооружение Германии было по большей части мифом. И дело не только в том, что на предварительном этапе перевооружение, как это всегда бывает, не привело к наращиванию военной мощи. Дело в том, что никаких серьезных предварительных шагов вообще не предпринималось. Гитлер обманывал иностранные державы и германский народ не так, как было принято думать, а ровно наоборот. Он —

* С другой стороны, важно учитывать, что для Гитлера и многих его соотечественников война имела ценность и смысл сама по себе, как средство воспитания и морального развития нации. — *Прим. науч. ред.*

или, точнее, Геринг — провозгласил: «Пушки вместо масла». Но на самом деле масло он ставил прежде пушек. Я позаимствовал кое-какие цифры из книги Клейна. Черчилль пишет, что, согласно двум независимым оценкам, сделанным в 1936 г., затраты Германии на перевооружение составили 12 млрд марок⁹. Реальная цифра не дотягивает и до 5 млрд. Сам Гитлер заявлял, что до начала войны нацистское правительство потратило на вооружение 90 млрд марок. В действительности совокупные государственные расходы Германии (как военные, так и невоенные) за период с 1933 по 1938 г. составили немногим более этой суммы. Перевооружение обошлось стране примерно в 40 млрд марок за шесть бюджетных лет до 31 марта 1939 г., а к началу войны суммарные затраты на производство оружия приблизились к 50 млрд¹⁰.

Клейн анализирует вопрос: почему перевооружение Германии осуществлялось в таких ограниченных масштабах? Для начала, Гитлер боялся лишиться популярности, если уровень жизни немцев снизится. Перевооружение ограниченного масштаба всего лишь замедляло его рост. И все равно немцы жили лучше, чем когда-либо раньше*. Кроме того, нацистский государственный аппарат был неэффективным, коррумпированным и дезорганизованным. Что еще важнее, Гитлер не хотел поднимать налоги и страшно боялся инфляции. Даже отставка Шахта на самом деле не сняла, как планировалось, финансовые ограничения. И что самое важное, Гитлер не начинал широкомасштабной подготовки к войне просто потому, что его «концепция ведения военных действий не требовала никакой подготовки». «Скорее всего, он планировал решать проблему жизненного пространства Германии по частям — с помощью череды мелких

* По данным современных исследований, уровень жизни основной части населения Германии к 1938 г. в лучшем случае вернулся к докризисным показателям 1928–1929 гг. Другой вопрос, что о росте уровня жизни безостановочно трубила нацистская пропаганда. — *Прим. науч. ред.*

войн»¹¹. К такому же выводу независимо пришел и я, изучая внешнеполитические документы; более того, я подозреваю, что Гитлер надеялся обойтись вообще без войны. Я согласен, что он не проводил четкой грани между политическими методами и мелкими войнами — такими как нападение на Польшу. Единственное, чего он не планировал (несмотря на то что такие планы ему часто приписывают), — так это большой войны.

Политическая стратегия Гитлера в значительной мере заключалась в том, чтобы создавать впечатление, что он готовит страну к большой войне, но в реальности ничего подобного не делать; и те, кто, подобно Черчиллю, бил по этому поводу тревогу, неосознанно играли ему на руку. Прием был совершенно новым и одурачил сразу всех. Раньше правительства тратили на вооружения больше, чем готовы были признать, — большинство из них поступает так до сих пор. Иногда это делалось с целью обмануть собственных граждан, иногда с целью обвести вокруг пальца предполагаемого противника. В 1909 г., например, многие британцы подозревали германское правительство в форсировании строительства военно-морского флота без одобрения рейхстага. Обвинения эти, скорее всего, были безосновательными. Но они оставили после себя стойкие подозрения, что немцы при первой возможности так и поступят; попытки уклониться от наложенных Версальским миром обязательств по разоружению, к которым после 1919 г. без особого успеха прибегали сменяющие друг друга правительства Германии, лишь укрепляли такие подозрения. Гитлер подливал масла в огонь этой подозрительности и пользовался ею. Тому есть превосходный пример. 28 ноября 1934 г. Стэнли Болдуин опроверг заявление Черчилля, утверждавшего, что мощь военно-воздушных сил Германии и Британии сравнялась. Данные Болдуина были верны; Черчилль, опиравшийся на цифры, которыми снабдил его профессор Линдемманн, ошибался. 24 марта 1935 г. сэр Джон

Саймон и Энтони Иден посетили Гитлера. Тот сказал им, что немецкие военно-воздушные силы уже не уступают британским, а может, и превосходят их. Ему поверили моментально и продолжают верить до сих пор. Болдуин был посрамлен. Поднялась паника. Разве может быть так, чтобы государственный деятель преувеличивал уровень своих вооружений вместо того, чтобы скрывать его? Но Гитлер именно так и поступал.

Переооружение Германии оставалось скорее мифом вплоть до весны 1936 г. Вот тогда Гитлер перевел его в плоскость реальности. Руководствовался он в первую очередь страхом перед Красной армией; естественно, Франция и Великобритания тоже принялись наращивать вооружения. На самом деле Гитлер участвовал в этой гонке наравне с другими, и не сказать, чтобы он сильно опережал остальных. В октябре 1936 г. он велел Герингу готовить немецкую армию и немецкую экономику к войне в перспективе четырех лет, однако каких бы то ни было конкретных требований не изложил*. В 1938/39 бюджетном году, в последний мирный год, Германия потратила на вооружение около 15% валового национального продукта. Доля военных расходов Британии была практически такой же. Затраты Германии на перевооружение на самом деле сократились после заключения Мюнхенского соглашения и оставались на низком уровне, в силу чего к 1940 г. Британия далеко обогнала Германию по объему производства самолетов. Когда в 1939 г. разразилась война, в распоряжении Германии было 1450 современных истребителей и 800 бомбардировщиков; у Великобритании и Франции имелось 950 истре-

* В 1936 г. в Германии был принят так называемый Четырехлетний план, целью которого являлась подготовка вооруженных сил и экономики к войне с Россией. В упоминаемом автором секретном меморандуме Гитлера, который лег в основу этого плана, указывалась и цель войны: расширение германского жизненного пространства. — *Прим. науч. ред.*

бителей и 1300 бомбардировщиков. На вооружении Германии стояло 3500 танков; Великобритания и Франция располагали 3850 танками¹². По каждому из этих пунктов разведка союзников переоценивала мощь Германии более чем вдвое. Как обычно, все были уверены, что Гитлер планирует большую войну и готовится к ней. В реальности он этого не делал.

Кто-то может возразить, что эти цифры по большому счету не важны. Какую бы нехватку оружия Германия ни испытывала на бумаге, при проверке реальностью Гитлер выиграл войну против двух великих держав Европы. Но говорить так — значит, вопреки совету Фредерика Мейтленда, судить из точки, где все уже случилось, а не из точки, где событиям еще только предстояло произойти. Да, Гитлер победил, но победил он по ошибке — по ошибке, которую совершил наряду с другими. Разумеется, немцы не сомневались, что, если никто не атакует их западные границы, Польшу они разгромят. Политический расчет Гитлера, уверенного, что Франция не станет вмешиваться, оказался точнее страхов немецких генералов. Однако, вторгшись 10 мая 1940 г. в Бельгию и Голландию, Гитлер не догадывался, что заставит Францию капитулировать. Это был оборонительный ход: он хотел обезопасить Рур от вторжения союзников*. Падение Франции стало для него неожиданным подарком. И даже после этого Гитлер не начал подготовку к большой войне. Он считал, что победа над Советской Россией, подобно победе над Францией, не потребует серьезных усилий. Производство оружия в Германии сокращалось не только зимой 1940/41 г.; еще сильнее оно сократилось осенью 1941 г., когда война с Россией уже началась. Его стратегия не претерпела никаких серьезных изменений не только после

* В директивах германского верховного командования среди задач весеннего наступления 1940 г. значилась защита Рура, однако ключевой целью назывался разгром основной массы французской армии — то есть, по сути, полная победа над Францией. — *Прим. науч. ред.*

первых неудач в России, но и после катастрофы под Сталинградом. Германия не отказалась от своей «военной экономики мирного типа». Только налеты британских бомбардировщиков на немецкие города заставили Гитлера и немцев отнестись к войне серьезно. Немецкое военное производство достигло пика тогда же, когда и бомбардировки союзников: в июле 1944 г. Даже в марте 1945 г. Германия производила существенно больше военной техники, чем в 1941 г., когда атаковала Россию. С самого начала и до самого конца секретом успеха Гитлера была не военная мощь, а изворотливость. Он всегда знал, что будет обречен, если военная мощь станет решающим фактором; так оно и случилось.

Таким образом, я уверен, что не грешу против истины, когда говорю, что важнейшая роль на международной арене в предвоенные годы отводилась не грубой силе, а политическому расчету. Акценты несколько сместились летом 1936 г. Тогда не только Гитлер, но и другие державы начали всерьез принимать в расчет войну и подготовку к войне. Я допустил ошибку, недостаточно подчеркнув перемены, которые принес с собой 1936 год, и, возможно, переоценив важность изменений, случившихся осенью 1937-го. Это лишь подчеркивает, как трудно не поддаваться мифам, даже если ставишь это своей целью. Меня ввел в заблуждение протокол Хоссбаха. Хотя я сомневался, что он так важен, как считает большинство авторов, я думал, что раз уж все придают ему такое большое значение, то какую-то важность этот документ все-таки имеет. Я ошибался; а критики, указывавшие на 1936 г., оказались правы, несмотря на то что они, судя по всему, не осознавали, что таким образом дискредитируют протокол Хоссбаха. Мне стоило бы еще немного сильнее развенчать этот «официальный протокол», как назвал его один историк. Мои аргументы тут чисто технические, и неискушенному читателю они могут показаться ничтожными. Тем не менее ученые,